

КИДАНЬСКИЙ ИМПЕРАТОР ЕЛЮЙ ЧЖИГУ (СИН-ЦЗУН): СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ (1015–1055)

ГЕННАДИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ПИКОВ

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

gennadij-pikov@yandex.ru, <https://orcid.org/000000-0002-9818-0307>

Аннотация. Данная статья продолжает серию публикаций, посвященных роли правителей государства Ляо (907–1125) в его истории. Исследование посвящено деятельности седьмого по счету правителя из династии Ляо — императора Син-цзун (1031–1055). На основе средневековых киданьских и китайских исторических сочинений реконструируется история его жизни и деятельности. Особое внимание уделено внешней политике империи во время правления Син-цзун, особенно киданьско-китайским и киданьско-тангутским отношениям, а также реформам внутри государства. Анализ письменных источников позволяет сделать вывод о том, что в сложной ситуации в Восточной Азии, когда происходил непрерывный рост могущества империи Сун и возникло государство тангутов Западное Ся, император смог вести достаточно взвешенную политику и продолжать имперское строительство.

Ключевые слова: кидани, империя Ляо, император Син-цзун, средневековый Китай, Западное Ся.

Для цитирования: Пиков Г. Г. Киданьский император Елюй Чжигу (Син-цзун): социально-политический портрет (1015–1055) // *Universum Humanitarium*. 2026. № 1. С. 35–56. DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-35-56

Киданьская империя Ляо (907–1125) сыграла важную роль в истории Восточной и Центральной Азии. Ее образование свидетельствовало о том, что кочевая цивилизация достигла уровня максимального развития и в своей эволюции ни в чем не уступала оседлым «мирам». Неудивительно, что ее история нашла отражение во многих современных ей сочинениях историков и географов как в Китае, так и за пределами Восточной Азии. Впоследствии эти тексты активно изучались не только в Азии, но и далеко за пределами региона — прежде всего в странах Европы и в России. Политическая история этого государства в общих чертах реконструирована вполне удовлетворительно, чего нельзя сказать об истории социальной и экономической. В историографии все еще господствуют в той или иной форме представления о «бандитизме» кочевников в целом и киданей в частности, о том, что империя Ляо,

как и остальные государственные образования кочевников, были инструментами «дистанционной эксплуатации» оседлых государств.

Новое, по сравнению с предшествующей многовековой традицией, восприятие кочевой истории постепенно пробивает себе дорогу. Одной из тем, изучение которой может основательно помочь в этом плане, является история кочевой элиты [Пиков, 2016]. Данная статья продолжает серию работ, посвященных исторической роли правителей этого государства [Пиков, 2006; 2018; 2020].

В киданьской истории личность всегда играла важную роль, так как власть напрямую олицетворял именно тот или иной правитель. В данной статье предпринята попытка оценить вклад императора Син-цзуна в развитие теории и практики государственного строительства. Это можно сделать, прежде всего дополнив его исторический портрет политической биографией. При проведении анализа личности этого лидера важно проследить основные этапы его политической карьеры и развития политической силы его государства.

Основными источниками нашей информации о нем являются сочинения, к созданию которых приложили руку китайские авторы. Это прежде всего написанная в правление императора Сяо-цзуна «Цидань го чжи» («История государства киданей») южносунского автора Е Лун-ли – первое крупное китайское историческое сочинение, полностью посвященное истории некийского народа, «варварам». Е Лун-ли, вероятно, представил первый вариант этой работы императору Сяо-цзуну в третьем месяце 1180 г. (седьмой год эры правления Чунси), опубликовано оно было между 1265 и 1274 г.

О самом Е Лун-ли известно немного: это был чиновник средней руки, работал на должности ревизора округа, потом стал помощником начальника дворцового книгохранилища. Любопытно, что написать сочинение о киданях ему поручили от имени самого сунского императора. Можно предположить, что это было не случайно. Внешне он якобы проявил личную инициативу, однако вряд ли бы он отважился на такую самостоятельность, ведь это могло грозить дипломатическими осложнениями. Вероятно, эта акция стала частью «холодной» информационной войны, идущей между двумя государствами. В данном сочинении государство киданей считается не равным китайскому, а всего лишь очередным союзом племен. Недаром Е Лун-ли практически ничего не пишет о внутренней жизни государства, а сводит все к политической, прежде всего военной истории, а также внутривластной нестабильности, характерной для «варваров».

Вторым сочинением является династийная история «Ляо ши» («История династии Ляо»), составленная в 1343 г. уже при монголах в империи Юань коллективом из 23 авторов под редакцией Токто. Там, в традиционном разделе «Бэньцзи» («основные записи»), достаточно много сведений о времени правления Син-цзуна. Китайские авторы, даже составители династийной истории «Ляо ши» («История династии Ляо»), интересовались лишь опасностью для южной империи, исходившей от киданей, а также степенью их китаизации. «Ляо ши» прослеживает усвоение ими китайского опыта и подчеркивает, что только благодаря этому Ляо встало в шеренгу классических империй.

Есть некоторые разночтения с сочинением Е Лун-ли в отношении некоторых фактов, что связано, вероятно, с такими факторами, как степень сохранности текстов самих киданей, четкая антикиданьская направленность сочинения Е Лун-ли и влияние монголов на отбор и трактовку соответствующей информации при составлении династийной истории.

Необходимо отметить и то, что «Ляо ши» и «Цидань го чжи» как бы дополняют друг друга, что, возможно, и стало одной из существенных причин сохранения в истории обоих этих сочинений. «Цидань го чжи» представляет собой в большей степени историю киданьского этноса, тогда как «Ляо ши» — история династии, т. е. этатической конструкции. В результате мы имеем максимально возможное в те времена проникновение в две наиболее важных темы — народ как геополитический актор и государство как цивилизационно-этатическая конструкция. Хотя в «Ляо ши» и содержится обширный материал для исследования самых различных сторон жизни киданьского государства (политической истории, социально-экономических аспектов, культуры, военной организации и т. д.), тем не менее очень многие сведения, содержащиеся в многочисленных китайских источниках, не нашли в ней отражения.

Маньчжурами вскоре после прихода к власти в Китае был осуществлен грандиозный проект по переводу трех китайских династийных историй «Цзинь ши», «Ляо ши» и «Юань ши» на маньчжурский язык [Тюрюмина, 1969. С. 139–140; Пиков, 2009]. Династийные хроники — самые ранние из дошедших до нашего времени образцов маньчжурской литературы. Издание их было предпринято правящим двором маньчжурской династии Цин (1644–1911) с целью демонстрации величия предков, их преемников и продолжателей в эпоху завоевания Срединной империи. Определенно тенденциозный отбор исторических фактов, зафиксированных в китайских источниках, как и редактирование текстов составителями хроник, диктовались задачей всемерно возвеличить империю Цин.

Насколько можно судить по предисловию, сочинение хроник началось в Мукдене в 1636 г. и было закончено в 1639 г. Это было сделано по распоряжению маньчжурского императора Тайцзуна. В результате появились маньчжурские варианты — «Айсинь гуруни судури», «Дайляо гуруни судури» и «Дайюань гуруни судури». Все три «Истории» вышли в свет в 1646 г., по-видимому, в Пекине. В составлении «Историй» принимали участие многие лица. У истоков проекта стояли видные ученые и литераторы Дахай, Эрдени и глава департамента церемоний Хифэ. Непосредственными исполнителями были переводчики Чабухай, Нэнту, Вэчэнгэ, толкователи Ван Вэнькуй и Ли Хунюй, «материалы привел в порядок и вычеркнул ненужное» Хукю. В переводе были опущены «непригодные места», возвеличены «все удачы добрых дел» и рассмотрены «неудачи злых дел» [Тюрюмина, 1969. С. 139–140]. За основу были сознательно взяты тексты, которые появились ранее. Это было сделано не потому, что маньчжурская историческая мысль еще только рождалась, а из-за огромной ценности этих уникальных текстов и высокой оценки их как специалистами того времени, так и широкими общественными кругами Китая и сопредельных территорий. В 1644 г. «История великой династии

Ляо» «была представлена императору» и, распечатанная в трехстах экземплярах, разослана по всей стране. Для зарубежных исследователей это было первое более или менее подробное изложение истории киданьского государства. Эта маньчжурская версия («Дайляо гуруни судури») была переведена на немецкий язык Габеленцем [Gabelentz, 1877]. Сотрудницей сектора истории и археологии стран зарубежного Востока Института истории, филологии и философии СО АН СССР Л. В. Тюрюминой выполнены переводы на русский язык труда Габеленца и маньчжурского текста, опубликованные под заглавием «История государства Дайляо» [История Железной империи, 2007].

Император Син-цзун (25.VI.1031–28.VIII.1055, киданьское имя Елюй Чжигу или, по другим сведениям, Елюй Мубугу) был седьмым по счету правителем из династии Ляо. В средневековых китайских сочинениях его традиционно называли довольно пассивным государем, который многие решения принимал под влиянием женщин. В то же время, по свидетельству Е Лун-ли, он был развит интеллектуально и физически, высок ростом, увлекался охотой и обладал хорошим характером. Любил стрельбу из лука, книги и разного рода игры [Е Лун-ли, 1979. С. 154]. Как отмечает «Ляо ши», «Син-цзун Цзигу с малолетства [был] умным и прозорливым, а когда придет в совершенный возраст, то, будучи высокорослым, станет величественным, великодушным и дальновидным, искусным в [пешей и] конной стрельбе из лука, любителем книг и будет знать все о разного рода играх» [История Железной империи, 2007. С. 99]. Император был искусным художником: будучи правителем уже не один год, он однажды отправил нарисованных им диких гусей сунскому императору. Как сообщает хроника, гуси были изображены настолько искусно, что походили на живых [Е Лун-ли, 1979. С. 152].

Приход Син-цзуна к власти был непростым. Он был восьмым сыном предыдущего императора Шэн-цзуна. Жена Шэн-цзуна, императрица Сяо Пусагэ, родила двух сыновей, которые умерли еще детьми, и взяла на воспитание Син-цзуна, родившегося в 1015 г. от старшей наложницы по имени Сяо Ноуцзинь. Сяо Ноуцзинь была дочерью Сяо Сы-вэя, генерал-губернатора области Пинчжоу, и племянницей главного помощника императора Елюй Лун-юня, отличалась красотой и пользовалась любовью императора [Е Лун-ли, 1979. С. 139–140]. В возрасте трех лет Син-цзун стал Лянь-ваном, в шесть (в 1021 г.) — наследником престола, а в 1031 г., после смерти Шэн-цзуна, принял титул императора.

При жизни Шэн-цзуна Сяо Пусагэ, или императрица Ци-тянь, активно участвовала в управлении государством: «Учредила управление дворцом императрицы, назначала чиновников, издавала приказы». Она вступала в незаконную связь с музыкантами, о чем Сяо Ноуцзинь пыталась сообщить императору, но не снискала доверия. По завещанию, Пусагэ должны были объявить вдовствующей императрицей, но Ноуцзинь пошла на прямой переворот, объявив себя вдовствующей императрицей Фа-тянь. Вот как об этом сообщает Е Лун-ли: «Старшая наложница скрыла завещание и, сама объявив себя вдовствующей императрицей, приказала ложно обвинить императрицу Ци-тянь в желании поднять мятеж, после чего посадила ее на маленькую

телегу и доставила как арестанта в Верхнюю столицу» [Е Лун-ли, 1979. С. 140–141]. Таким образом фактическая власть перешла к матери нового императора.

Как сообщает Е Лун-ли, императрица Фа-тянь довольно жестко управляла государством, поставила «своих братьев из рода Сяо... надзирать над киданьскими и китайскими чиновниками, ведавшими делами южного и северного районов». На различные военные должности в областях она ставила даже рабов, принадлежавших роду Сяо, из которого она происходила. Таковых набралось до сорока человек: «Рабами рода Сяо были люди из Фаньяна, [которых считали] бездельниками, потому что большинство из них являлись известными музыкантами» [Е Лун-ли, 1979. С. 141]. По этому поводу у Син-цзуна возникали с ней разногласия. Музыканту Мэн У-гэ император подарил хорошее рисовое вино и украшенный серебром пояс. Вдовствующей императрице это не понравилось, и она приказала отхлестать музыканта плетью. Донес на музыканта евнух Гао Цин-лан, и император приказал его убить. Императрица нашла тех, кто привел приказ в исполнение. На следствии они дали показания и об императоре. Расстроенный и опечаленный император воскликнул: «Я, занимающий высокое положение Сына Неба, должен, как преступник, отвечать на возводимые против меня обвинения» [Е Лун-ли, 1979. С. 141].

Власть матери номинального императора признавалась не всеми придворными. Вскоре среди них сложилась группировка, желавшая произвести переворот. Императору донесли, что Сяо Чжубули и Сяо Пиди составили заговор и решили поставить императрицей Сяо Пусагэ, а потом выбрать другого императора. Син-цзун не поверил, стал спорить с императрицей — «На эти слова хан Син-цзун ответил: „Императрица Ци-тянь сорок лет отдавала силы [моему] отцу — почившему хану — и воспитала меня с любовью, как [своего] родного сына. [Это ее] нужно объявить тайхоу! Разве можно предать [ее] суду в настоящее время, когда нет справедливости [и правды]?“. Но [его] мать — тайхоу Цинь-ай — ответила: „Если императрице Ци-тянь позволить жить, то как бы в будущем не произошли несчастья!“. Хан Син-цзун сказал: „У императрицы Ци-тянь нет сыновей. К тому же [она] состарилась. Хотя бы и жила, есть ли [у нее] возможности [что-либо сделать]?“. Об этом проведала принцесса и сказала своему мужу Сяо Чжубули и царскому дяде по матери Сяо Пиди: „Как бы вы без вины не были убиты! Вместо того, чтобы умереть понапрасну, не убежать ли [вам] к народу нюйчжи и не изыскать ли средства жизни?“. Сяо Пиди сказал: „Есть ли [такой] закон, по которому бы хан, полагаясь на лживые слова, убивал преданных и добродетельных? Хотя бы я и умер, что [тут] поделаешь?“ — и не ушел в чужое государство» [Е Лун-ли, 1979. С. 99–100].

Императрица среагировала оперативно — она казнила Сяо Чжубули, Сяо Пиди и других, конфисковала их имущество, а Сяо Пусагэ отправила в ссылку. Вскоре репрессии коснулись и многих других представителей элиты, на их место были поставлены люди вдовствующей императрицы. Видя нерешительность Син-цзуна, его мать в 1032 г., пока он был на охоте, отправила убийц к Пусагэ. По одной версии, Пусагэ попросила дать ей время на ритуальную подготовку к смерти и затем повесилась. По другой версии, императрица

Ци-тянь была задушена и похоронена как простолюдинка на горе Баймашань к северу от Цзучжоу [Е Лун-ли, 1979. С. 140–141].

В 1035 г., после охоты, Син-цзун проезжал мимо горы Баймашань в области Цзучжоу и навел на могилу Ци-тянь. «Не было также храма для принесения жертв и никого, кто ухаживал бы за могилой, только одинокий курган стоял на голой горе. Опечаленный император заплакал и воскликнул: „Если бы раньше я занимал такое положение, как сейчас, ты не дошла бы до этого“» [Е Лун-ли, 1979. С. 143]. Он приказал перенести прах императрицы Ци-тянь на императорское кладбище в области Цзучжоу, там же был возведен храм для жертвоприношений.

Поскольку императрица Фа-тянь захватила в свои руки реальную власть, а император не вмешался в эти события, некоторые напуганные сановники обратились к нему лично с докладом: «Не соблаговолит ли хан принять участие в управлении [государством]?» [Е Лун-ли, 1979. С. 100]. Вероятно, произошедшее напугало и самого императора — он стал опасаться своей матери, глубже вникая в дела управления государством.

Мать действительно попыталась сместить его, посадив на трон его младшего брата. В «Ляо-ши» рассказывается, что на третьем году эры правления Чжун-си (1035) императрица Фа-тянь вызвала своих братьев, чтобы обсудить с ними вопрос о низложении Син-цзуна и возведении на престол младшего сына — Чжун-юаня. Этот брат императора и раскрыл тайну нового заговора. Син-цзун лично с отрядом воинов ворвался во дворец, захватил мать, а потом, по совету евнуха Чжао Ань-жэня, отправил ее, «посадив в повозку, обтянутую желтым полотном», в ссылку на пять лет в область Циньчжоу, якобы охранять могилу Шэн-цзуна, а многих заговорщиков казнил. Младшего брата в награду за верность сделал губернатором [Е Лун-ли, 1979. С. 141–142, 443]. Чжао Ань-жэнь за оказанную помощь был назначен на высокие должности.

Любопытна в этих событиях роль евнуха Чжао Ань-жэня. В «Ляо ши» есть некоторая информация о нем: китаец по происхождению, в детстве был угнан киданями. В 1019 г. пытался бежать в Китай, но был пойман. Сяо Пусагэ приказала ему следить за императрицей Ци-тянь, матерью Син-цзуна. После возвышения последней Чжао Ань-жэнь, боясь наказания за доносы, снова пытался бежать, но опять неудачно. Его снова спасла Пусагэ, сказавшая Шэн-цзуну: «Чжао Ань-жэнь говорит, что его отец, мать и все братья живут на земле, управляемой Южной династией, и каждый раз, когда он вспоминает о них, у него переворачивается душа. Сейчас, тоскуя о родных, он бежал, рискуя жизнью, а это указывает на его сыновнюю почтительность. Действительно, он заслуживает жалости». Шэн-цзун помиловал Чжао Ань-жэня [Е Лун-ли, 1979. С. 444–445].

Ссылкой Фа-тянь история прихода Син-цзуна к власти не кончилась. После перенесения праха императрицы Ци-тянь в Цзучжоу некоторые сановники стали уговаривать императора вернуть императрицу Фа-тянь из ссылки. Император не соглашался, подозревая, что они говорят это не от чистого сердца, а «рассчитывая на выгоды от ежегодного прибытия сунских послов». Однако позднее, слушая объяснение буддийской книги «Воздаяние

за добро», решил изменить свое решение. Он пригласил вдовствующую императрицу к воротам Средней столицы и на основе гадания определил день встречи с ней. У них восстановились прежние отношения — ей был пожалован новый титул «вдовствующая императрица Фа-тянь ин-юнь жэнь-дэ чжан-шэн», однако при остановках во время поездок император всегда отъезжал на расстояние более десяти ли, что было тайной мерой предосторожности [Е Лун-ли, 1979. С. 144]. Тут же возобновились визиты послов из Сун для поздравления императрицы, а в 1040 г. были отправлены в Сун чиновники от имени императрицы и императора для поздравления с днем рождения китайского правителя.

Син-цзун был обеспокоен положением в государстве: из доклада сановника Сяо Ханьцзяну он узнал о военных приготовлениях кочевых племен цзубу, длительном отсутствии взносов от корейцев и сложном положении пограничных войск. Понимая, что невозможно обеспечить полноценную поддержку гарнизонам на западной границе и защитить их от нападений цзубу, император решил их убрать. Это будет иметь серьезные последствия, поскольку влияние киданьского государства на положение в Монголии ослабнет, и вместо демонстрации силы киданям придется в большей мере прибегать к дипломатическим методам. По совету Сяо Ханьцзяну было решено также реформировать и восточные гарнизоны. В благодарность за советы Син-цзун назначил Ханьцзяну ответственным за редактирование исторических записей империи, чем тот впоследствии и прославился.

Эти события непосредственным образом повлияли на то, что в центре внимания нового императора оказалась именно внешняя политика. Основным соперником киданей на внешнеполитической арене в этот период была империя Сун (960–1279). Отношения с ней регулировались Шаньюаньским мирным договором 1004 г. После его заключения между двумя государствами установился почти 120-летний период мирных отношений (до 1125 г.), сопровождавшийся оживлением дипломатических контактов и существенным увеличением торгово-экономических связей. В целом отношения между киданями и Китаем были сложными и включали как военные операции, так и дипломатические акции. Очевидно, что оба государства не ставили перед собой задачи полной ликвидации соседа и старались извлечь максимум преимуществ из общения друг с другом. Империя Ляо стала мощным заслоном для проникновения кочевых племен в китайские пределы и хорошим противовесом в отношениях с тангутами, тибетцами и другими народами Восточной Азии. Южные соседи давали киданям возможность активно использовать «общемировую» восточноазиатскую культуру, сложившиеся торговые коммуникации, южные рынки для сбыта своей продукции и получения необходимых товаров.

Все спорные вопросы отныне улаживались почти исключительно дипломатическим путем, но все же в реальной жизни иногда складывались непростые ситуации. Так, в 1042 г., в ответ на укрепление китайцами границы, кидани потребовали возврата «Области южнее горных пограничных перевалов», южнее Пекина, а также предъявили претензии еще на десять уездов, лежавших к югу от Пекина, что привело к конфликту. В Ляо собрался военный совет.

Председатель Южного Военного Совета Сяо Вэй обратил внимание на то, что «сунцы уже несколько лет воюют на западе». Сяо Вэй утверждал, что «воинство изнурилось, народ истощал» и поэтому нельзя упускать момент¹. Сунская империя в это время увязла в войне с тангутским государством Си (Западное) Ся, и время для наступления показалось некоторым киданьским сановникам благоприятным. Вероятно, и Сун готова была попробовать военный вариант.

При киданьском дворе сложились две партии: Сяо Хуэй предложил императору возглавить армию против Сун; Сяо Сяому, напротив, советовал соблюдать Шаньюаньский договор между киданьской империей Ляо и китайской империей Сун (1004). Китайцы колебались, боясь не выдержать войны на два фронта. Интересна аргументация сунского посла к киданям Фу Би: «если Северный Двор пребывает в дружестве с Срединным Государством, то один только Государь наслаждается выгодами оною, а вельможи ничего не получают. Если объявите войну, то выгоды обратятся к вельможам, а Государю останутся одни бедствия... поэтому те, кто ратует за применение войск действует в личных интересах, и это не является государственной политикой... ведь когда кидани захватывали большие трофеи, они оседали в домах чиновников»². Син-цзун принял во внимание эти аргументы.

В начале 1042 г. послы Сяо Тэмо и Лю Люфу из Ляо прибыли в Сун и потребовали обсудить три возникшие проблемы³. Прежде всего они напомнили, что государство Си Ся находится в союзе с киданями и, следовательно, китайцы не должны воевать с ними. Во-вторых, послы потребовали от китайцев прекратить укрепление своей северной границы и, наконец, в-третьих, передать киданям десять уездов в центральных районах провинции Хэбэй.

Переговоры были долгими и сложными. Китайцы были недовольным термином «дань» и в конце концов договорились с киданями использовать формулировку «помощь на покрытие военных расходов». Осенью этого же года в ответ на отказ киданей от территориальных притязаний Сунская династия добавила к своим ежегодным платежам по 100 тыс. лан серебра и 100 тыс. кусков шелковой материи. В то время кусок ткани оценивался в один лан серебра. Следовательно, размер ежегодного платежа – и тканями, и серебром, по подсчетам Н. Я. Бичурина, составил 1080 пудов чистого серебра [Е Лун-ли, 1979. С. 144–149, 445–448]. Эти условия были подписаны как дополнение к договору в Шань Юане. В данном случае, несомненно, сказалось ослабление китайского государства, хотя налицо было и нежелание киданей ввязываться в крупномасштабные конфликты.

Серьезных конфликтов между Севером и Югом не было несколько десятков лет, империя Сун ежегодно отправляла Ляо подарки, в результате чего,

¹ Летопись китайской империи, называемая Юй-пхи-цзы-чжи тхун-цзянь ган-му / пер. с китайского И. Бичурина // ИВР РАН. Ф. 7. Оп. 1. № 10–14. Т. 12. Л. 123–124.

² Там же. Л. 311.

³ Е Лун-ли в своем сочинении достаточно подробно рассказывает об этих переговорах и приводит тексты документов [Е Лун-ли, 1979. С. 144–149]. Есть информация и в «Ляо ши», введенная в отечественный научный оборот благодаря переводам В. С. Таскина [Е Лун-ли, 1979. С. 445–447].

как сообщают источники, в кладовых киданьского императора скопились целые горы редких и драгоценных вещей.

Син-цзун любыми средствами выказывал свое доброе отношение к китайскому правителю. Так, летом 1055 г. он отправил послов поднести свой портрет сунскому императору и просил в обмен изображение императора Жэнь-цзуна, чтобы таким путем «укрепить братские отношения». В 1055 г. (24-й год правления Чжун-си), в первый весенний месяц, сунский император подарил Син-цзуну прирученного («вращенного дома») слона.

Особый характер имели отношения киданей с тангутами. К этому времени в Восточной Азии сложился своеобразный «треножник» государств — китайская империя Северная Сун (960–1127), киданьская империя Ляо (907–1125) и государство тангутов Западное Ся (Си Ся, 1038–1227). Тангутская империя (официальное название — Пхон-мбин лхиэ-тха, Великое государство Высокой Белизны) находилась к северо-западу от Сун, на территории современных китайских провинций Шэньси и Ганьсу. Она контролировала восточный отрезок Великого шелкового пути. Это было достаточно могущественное государство с эффективной военной организацией, мощным бюрократическим аппаратом и высокой культурой. Тангуты (самоназвание — минья) возникли на основе слияния ряда других этнических групп (жуны, тибетцы-дансяны и др.). В IX в. правящий клан дансянов, которые, собственно, и известны под монгольским наименованием «тангуты», укрепился в центре Ордоса. Это так называемая территория Пяти округов, которая в X в. приобрела почти полную самостоятельность. Тангутское население составляло здесь абсолютное большинство. Укреплению самостоятельности данного района способствовали и распад Китая на ряд государств в период Пяти династий, и возникновение на севере киданьского государства Ляо, которое поддерживало стремление правящего тангутами дома Тоба к независимости.

Сами тангуты считали себя наследниками полуинородческих династий Тоба Вэй (386–535) и Тан, а также шатосских династий Поздняя (Хоу) Тан. Вслед за ними тангуты отстаивали право некитайцев жить на территориях, некогда захваченных Китаем, сохранять свои традиции и управляться вождями из своей среды, а не китайскими чиновниками. В этом плане они даже противопоставляли себя киданям. Еще будучи наследником трона, будущий тангутский император Ли Юаньхао уговаривал своего отца Дэ-мина начать войну с Китаем: «Одеваться кожей и волною (овечьей шерстью), заниматься скотоводством — вот что сродни кочевым. Родившись героем, должно господствовать над другими; к чему шелковые ткани?!» Кидани, в отличие от тангутов, якобы как губка впитывали в себя китайскую цивилизацию: «Яньцы (т. е. кидани, поселившиеся около Пекина) в одежде, питье и пище подражают китайцам. Тангуты не любят Китай и пользуются такими нравами и обычаями, какими им заблагорассудится»⁴.

В 982 г. Сунская империя сделала попытку подчинить эти районы, но один из членов правящего клана тангутов, считавшийся среди них лучшим стрелком,

⁴ Цит. по: [Гумилёв, 1992. С. 68].

Тоба Цзицянью, открыто выступил против Китая. Он решил использовать противоречия между Ляо и Сун. Кидани охотно поддержали тангутов. В 989 г. киданьский двор отдал за Цзицянью киданьскую принцессу и признал его ваном государства Ся. В 985 г. против тангутов была брошена сильная китайская армия, но была разгромлена. Тангуты заключили союз с киданями и снова разбили китайцев в 987 г. В 997 г. Цзицянью добился окончательного установления своей власти над всей территорией Пяти округов. Китайский император велел разрушить крепость Сячжоу, уступив тем самым тангутам Западное Ганьсу и Ордос. В 1002 г. тангуты овладели г. Линчжоу. На рубеже X–XI вв. (в истории династии Сун «Сун ши» запись под 1001 г.) в Китае стало употребляться для обозначения тангутского государства наименование Си Ся. Территория нового государства могла расширяться только на запад и юго-запад, поэтому тангуты всю первую треть XI в. воевали на западе. В 1004 г. в войне с тибетцами Цзицянью, раненный стрелой в лицо, скончался. Его преемник, Дэмин, понял, что необходим мир с Китаем, и в 1006 г. добился заключения мирного договора с Сун, согласившись принять от китайцев должность *цзедуши* (военного губернатора) и тем самым как бы признав себя состоящим на китайской службе. Он получил титул вана Сипин (Умиротворителя запада).

После длительных военных столкновений империя Сун передала Цзицянью пять западных округов, населенных преимущественно тангутами, которые и стали этническим ядром будущего государства. Этот договор 1006 г. между Си Ся и Сун означал фактическое признание со стороны Сун тангутского государства. Дэмин стал готовиться к официальному принятию императорского титула. В 1016 г. он посмертно объявил императором своего отца, Цзицянью, в 1028 г. своего сына провозгласил наследником императорского престола, а его мать — императрицей. Была объявлена новая столица государства, ею стал г. Синчжоу⁵. Мир с Китаем и поддержка Ляо позволили тангутам нанести поражения тибетцам и уйгурам и в 1028 г. присоединить области с городами Лянчжоу (Увэй) и Ганьчжоу (Чжанье), современная провинция Ганьсу. В 1036 г. владения Си Ся продвинулись на запад до границ оазиса Хами. Граница с киданями шла по южной окраине пустыни Гоби и северному рукаву Хуанхэ, в районе ее излучины, именуемой Ордос. Сунские войска не допустили тангутов к реке Хуанхэ близ своих границ.

В 1031 г. Дэмин скончался и к власти пришел его сын Юаньхао. Средневековые авторы описывали его как талантливого полководца. Новый правитель провел десять реформ. Первые пять реформ были проведены в 1032 г.

В 1032 г. Юаньхао отказался пользоваться сунскими девизами царствования и объявил свой девиз царствования Сянь-дао — «Ясный путь». Второй реформой стал указ 1033 г. о введении в стране для всех мужчин единой прически *туфа*, что являлось важным политическим актом. Это был киданьский тип мужской прически: большая часть волос на голове сбрасывалась, оставлялась только челка спереди и косицы на висках. Так же впоследствии сделали маньчжуры, обязавшие всех мужчин-китайцев носить косу.

⁵ Современный г. Иньчуань, Нинся-Хуэйский автономный район.

Единая прическа являлась символом покорности всех подданных государя. Император подстригся первым, затем дав подданным три дня на то, чтобы сделать аналогичную стрижку, угрожая смертной казнью в случае неповиновения.

Третья реформа состояла в том, что статус столичного округа был поднят до статуса фу («департамента»), которым обладали столицы Ляо и Сун. Город был переименован в Синцин — «Новый прилив счастья». В рамках четвертой реформы были введены центральные правительственные учреждения по китайскому образцу: Государственный секретариат (Чжунжу) для управления гражданскими делами, Тайный совет (Шуми) для командования армией и ведения военных дел, Цензорат (Юйшитай) — орган контрольной власти. Тангуты не стали вводить систему «шести министерств» (лю бу), принятую в Ляо, но учрежденные министерства справлялись с делами. Пятая реформа вводила форменное платье для чиновников.

Реформы были продолжены в 1036 г. точным определением системы воинской повинности (шестая реформа), упорядочением административного деления страны на 12 военно-полицейских округов (седьмая реформа) и введением в употребление своей письменности (восьмая реформа). Девятая и десятая реформы также были проведены в области культуры: в 1037 г. учреждены тангутская и китайская школы; год ознаменовался и введением при дворе тангутской музыки в качестве официальной музыки для сопровождения церемониалов.

10 ноября 1038 г. Юаньхао официально объявил себя императором, своему деду Цзицяню и отцу Дэмину он присвоил императорские титулы посмертно. Юаньхао свою империю решил назвать Си Ся — это аллюзия к первой древнекитайской династии Ся.

Принятие Юаньхао императорского титула создало новую ситуацию в Восточной и Центральной Азии. Появился третий «сын Неба» — наряду с императором Сун и императором Ляо. Вместо традиционных подарков, ко двору Сун он отправил хвастливое письмо, где сообщил, что ему подчинены *туфань* (тибетцы), *тата* (татары), *чжанье* и *цзяохэ* (уйгуры).

Сунский император признавал за императором Ляо императорский титул, но отказался признать императорский титул за Ли Юаньхао. Это привело к тангутско-китайской войне 1040–1044 гг., которая не принесла успеха ни одной из сторон. В ходе начавшихся переговоров Сун потребовала, чтобы Юаньхао титуловался любым традиционным титулом (*каган*, *шаньюй*), но не китайским императорским титулом *хуанди*.

Именно в это время произошел конфликт между Ляо и Сун (в 1042 г.). Китайцы стремились подавить «мятеж Юаньхао» и отправили 200 тыс. воинов против старейшин тангутов. Шла долгая борьба за пограничные крепости. Потери Сун, по данным того времени, составили якобы 300 тыс. человек. Юаньхао договорился с киданями о том, что, как только лед покроет Хуанхэ, они совместно выступят против Сун. Кидани не торопились с оказанием помощи, а у тангутов сил уже не хватало. К тому же на государство обрушились затяжные засухи. Война подорвала экономику как Си Ся, так и Сун. После

замирения кидани выступили фактически на стороне Китая. Тангуты вынуждены были согласиться на мир.

Юаньхао отказался на международной арене в сношениях с Китаем именовать себя *императором-хуанди*, сохранив за собой императорский титул (на тангутском языке *уцзу*) только в пределах Си Ся. Сунский двор признавал его *чжю* — «государем» и «помогал» материально, выплачивая контрибуцию ежегодно в сумме 255 тыс. единиц шелком, серебром и чаем. Юаньхао признал себя «младшим» (*чэнь*) и получил от императора Сун печать.

При Ли Юаньхао государство Западное Ся (Тангутское царство) имело торговые отношения с более чем пятьюдесятью странами, в том числе с Сун, Ляо, Арабским халифатом, Индией и даже африканскими государствами. Еще не заключив мира с Сун, Юаньхао был втянут в войну с Ляо. Китай был не против ослабить Ляо и потому, формально не участвуя в этом конфликте, занял в тангутско-киданьской войне более благоприятную для Си Ся позицию. Причиной столкновений была борьба за контроль над родственными тангутам племенами, которые жили на территории Ляо. Восстание нескольких племен дансянов, вспыхнувшее на территории Ляо в начале 1044 г., было использовано Юаньхао для принятия их в свое подданство.

Форсировав Хуанхэ, войска Ляо двинулись тремя колоннами против Си Ся. Центральную колонну возглавлял император Ляо. Кидани разбили конницу тангутов, но в это время поднялся сильный пыльный ветер прямо в лицо киданям, и они дрогнули и побежали. Юаньхао не стал их преследовать и предложил мир. Из-за наступления зимы и применения тангутами тактики «выжженной земли» у киданей начались проблемы со снабжением. В плен попал зять Син-цзуна Сяо Худу. Стороны обменялись пленными (в их числе были и мятежные старейшины), после чего в 1045 г. заключили мир.

В конце 1047 г. против Юаньхао был организован заговор. Одним из участников стал его сын Нинлингэ, у которого Юаньхао отнял невесту. Сын ранил отца копьем в лицо, однако заговор был подавлен: императорская стража перебила часть заговорщиков, в том числе погиб и Нинлингэ. Позже, в январе 1048 г., скончался вследствие ранения и Юаньхао. Наступило смутное время господства рода Лян, очень непопулярного в войсках.

Особых преимуществ и той, и другой стороне не принесла и война 1049–1053 гг., хотя Си Ся выплатила Ляо огромную дань скотом. Вскоре военные действия возобновились. В седьмом месяце 1049 г. Син-цзун вторгся в Си Ся для реванша. Кидани привели по реке Хуанхэ 130 многопалубных судов. Пограничные войска тангутов были разбиты, и три армии киданей вошли в Ся. Первая армия под командованием Сяо Хуэй была разбита, центральная под командованием Син-цзуна повернула назад, третья под командованием Елюй Дигу сожгла окрестности столицы и захватила вдову Юаньхао, убив 3000 тангутских воинов. Осенью 1050 г. тангуты решили напасть сами, но потерпели поражение. В битве на реке Сяньцзоучуань тангуты также были разбиты, и кидани совершили рейд вглубь Ся. Мир был подписан в 1053 г. Ся признало себя вассалом Ляо. Окончательный мир был установлен лишь в 1099 г. На восточных границах Ляо уже в то время было неспокойно. В 1047 г. восстал

наместник Восточной столицы Елюй Хучжа. Он бежал в Корё. Император послал отряд под командованием Сяо Ди поймать и наказать его [Е Лун-ли, 1979. С. 152]. В 1048–1049 гг. кидани воевали с племенем пунули из союза Уго в районе рек Сунгари и Амур.

Внутреннее положение в Ляо при императоре Син-цзуне тоже было непростым. Правительство и армия, как настойчиво утверждают китайские средневековые авторы, были очень сильно коррумпированы. Войны, которые вели кидани, требовали средств, и император решил поднять налоги. Народ стал роптать. Император вынужден был предпринимать какие-то шаги в этом плане, и у него сложилась своеобразная программа преобразований. В 1031 г. он провел перепись по всем округам собранного урожая и установленных налогов. Это, по его мнению, должно было стать основой для разработки общей системы налогообложения [Wittfogel, Feng, 1949. P. 139, 342].

В 1035 г. он издал указ, где говорилось: «Любой человек, высказывай мысли о законах и управлении [государством]! Затем вот о чем выводите у всех: так ли [это], что прямые подати не больше, чем в прежние [годы]; нет вражды [причины возникновения] войн; ежегодно приобретается хлеб; наполнены до краев хлебные магазины; а если так, то много ли народа, который крайне нуждается, а чиновники нерадивы ли? Есть ли народ, ставший ленивым? Какие из нынешних прямых податей тяжелы? Из-за чего страдают? Когда [численность] народа уменьшилась, какая [в том может быть] польза? [Далее], когда можно будет усовершенствовать закон о поселении [на границе] сменных сторожевых войск? Когда можно будет остановить разбойников?» [История Железной империи, 2007. С. 100].

Один из придворных по имени Сяо Ханьцзяну представил ему подробный доклад о положении в государстве и тех мерах, которые можно было бы предпринять в этой ситуации. Общая мысль доклада — положение в стране критическое [История Железной империи, 2007. С. 100–102]. Рассуждения чиновника были довольно наивные и утопичные: «Весь простой народ ежедневно страдает и придавлен нуждой... [Поэтому], если желаешь удостоить [всех] в Поднебесной одинаковой милости, не соблаговолишь ли уклоняться от охот и походов? Сократи [число] разъезжающих по почтовым станциям [с ханскими поручениями и связанные с этим расходы]! Сделай незначительными прямые подати! Удерживай себя от расточительства и безрассудства! Когда бы так было несколько лет [подряд], то доведенный до крайности народ войдет в силу. Бедный народ станет богатым, так-то! Народ — это корень государства. Войска — это щит государства. ... Если желаешь ныне вырвать главный корень [возникновения] разбойников, то [ты], хан, уменьши [размер] прямых податей и приохочивай народ к земледелию! Согласно [установившимся правилам] образования и воспитания, нарушение [касающихся материальных благ] законов считается тяжелым, когда есть изобилие в одежде и питании, и если народ соблюдает законы и обязанности, то тех, к кому применяют наказания, бывает мало... Построй городские башни и кремли, укрепи крепостные стены и рвы! Охраняй пограничные линии! [Все] это — дела, которые в настоящее время нужно сделать

прежде [всего]. Хан, поразмышляй-ка о том, как быть!» [История Железной империи, 2007. С. 102].

Син-цзун в целом одобрил этот доклад, но дал Сяо Ханьцзяну совершенно иное поручение: «Приведи в порядок династийные исторические книги!» Затем хан удостоил [его] указа, в котором говорилось: «Исторические книги — это свет государства. Человека без дарований нельзя употреблять на службе [в Академии наук]. Твои же ученость и знания, амбань, обширны, поэтому пожаловал [тебе] должность ду линья. Записывай [в журнале] о совершенно всех моих занятиях!» [История Железной империи, 2007. С. 102; Wittfogel, Feng, 1949. P. 500].

В 1036 г. император лично принимал экзамены и отобрал 49 человек, достойных степени цзиньши и готовых к службе. С этого года он всегда принимал экзамены лично. В том же году было реформировано управление северными племенами киданей — на место вождей назначили цзедуши. В 1038 г. чиновника из южного министерства приговорили к смертной казни за то, что присваивал дорогие вещи из предоставляемой народом нюйчжи дани. В 1040/1041 году император повелел не назначать на должности людей, запятнавших себя преступлениями, сановникам предписывалось не пренебрегать службой в пользу пиров и охот. Все были обязаны представлять императору доклады о положении на границе, если располагали такой информацией, за взятки должны были наказывать как за воровство.

В 1039 г. Син-цзун выпустил указ: «Бейте в колокол, если есть люди, которые знают и расскажут о следствиях, произведенных амбанами северных министерств с нарушением [закона]! Пересекайте мне дорогу, если есть дела с подачею жалоб [на амбаней северных министерств], и обо всем меня извещайте!» В 1040 г. Син-цзун выпустил еще один указ: «Не назначайте на должность человека, преступившего закон! Амбани, состоящие на какой-нибудь службе, не покидайте [место] службы и не напивайтесь допьяна, если [ваша] работа — не сватовство и не жертвоприношение духам! Если есть люди, имеющие соображения об управлении народом и водворении спокойствия [в местностях] у пограничной линии, то обо всем меня извещайте!» В 1041 г. последовал указ: «Если состоящие на службе чиновники берут [себе] дорогие вещи и деньги из казначейства, то [это] преступление вора. Если обсуждают между собой дела, расследованные и завершённые при почившем хане, — [это] также преступление. Если ланцзюни отправятся в запретные места стрелять оленей, то [приказываю] дать по три сотни ударов палкой и не буду принимать на службу. Если мелкие командиры — [приказываю] дать по две сотни ударов палкой. Если закон нарушают [следующие по значимости] после них, [вплоть до] простолюдинов, то [это] преступление, соответствующее [преступлению] ланцзюня».

В 1042 г. Син-цзун запретил приносить в жертву животных на похоронах и закапывать ценности. В том же году вышел указ: «Если тайком обменять казенного коня [на товар], то [это — уголовное] преступление, [заслуживающее] смертной казни. Чиновники внешних губерний, заменяйте [на пограничной службе?] по истечении трехлетнего [срока] тех, кто усерден, предан

и прямодушен! Людей, которые не в состоянии нести службу, заменяйте немедленно!» В 1043 г. Син-цзун прикомандировалк своему сыну Янь-вану Хун-цзи лучшего из опытных и сообразительных чиновников и дал поручение: «Приведи в порядок дела двух министерств [из числа] северных и южных!»

Император в 1049 г. издал указ, по которому освобождался от наказания младший брат, который вслед за старшим ушел в разбойники, если у братьев не было сыновей. В 1052 г. Син-цзун принял решение – по китайскому обычаю, ввести в употребление посмертные титулы императоров для своих предшественников и объявить посмертно императорами тех предков рода Елюй, что были до основателя государства Елюй Апоки.

В 1052 г. Син-цзун охотился в горах на медведей и тигров. Более 10 охотников были убиты хищниками. Сяо Ханьцзяну, исполнявший обязанности историографа, приказал сделать об этом запись в летописи. Син-цзун приказал вычеркнуть эту запись. Ханьцзяну сделал это, а затем снова внес запись. Император узнал и сказал: «Таким и должен быть историограф!» Император стал высоко ценить Ханьцзяну и приказал ему написать «Свод нравственных правил и уголовных законов» для Ляо [Wittfogel, Feng, 1949. P. 501]. Этот перечень на основе текста сочинения Е Лун-ли свидетельствует о достаточно активной деятельности императора, но в то же время, безусловно, свидетельствует, что многие указы оставались на бумаге, и искоренить коррупцию и воровство было практически нереально.

В сфере религиозной политики к достижениям Син-цзуна следует отнести официальное принятие киданями буддизма. Киданьские племена познакомились с буддизмом довольно рано, поскольку с давних времен проживали в окружении государств, в которых буддизм преобладал или имел значительное влияние. Неоднократно совершая набеги на соседние территории, кидани уводили в плен большое количество жителей, среди которых было немало буддийских монахов. Так, Храм Небесных Героев в Верхней столице был основан в 912 г. после похода киданьской армии на Китай, где были захвачены в плен пятьдесят монахов. Начало же распространения буддизма в киданьском государстве «Ляо ши» относит к девятому месяцу второго года периода правления Тяньфу (т. е. 902 г.), когда у слияния рек Шира Мурэнь и Ляохэ было начато строительство Храма Начала Учения.

Основой для формирования новой культурной парадигмы в стране был антикитаизм. Любопытно, что буддизм кидани приняли именно как «некитайскую религию», которая явно импонировала киданьской знати своей проповедью пассивного отношения к действительности и непротивления злу «иллюзорного» мира ради «грядущего спасения». Она оказалась наиболее подходящей идеологической основой для складывающегося киданьского государства, ибо, отрицая родоплеменную исключительность, провозглашая единство культа и абсолютного божества, способствовала преодолению прежней родоплеменной разобщенности и становлению централизованного государства.

Установление могущественной державы открыло дорогу широкому распространению буддийского вероучения. По приказу Абаоцзи и последующих

правителей строились буддийские храмы и монастыри. Их пышность и величие поражали иноземцев, в частности сунских путешественников. В одном из китайских источников сообщается об огромном и прекрасном храме, внутри которого находилась колоссальных размеров статуя Будды, отлитая из серебра и покрытая золотом [Wittfogel, Feng, 1949. P. 298–300]. Даже в резиденциях императриц строились буддийские алтари. Киданьские правители неоднократно посещали буддийские храмы, следуя танскому обычаю весенних и осенних жертвоприношений. Этим они демонстрировали особую приверженность новой религии, которой открыто отдавалось предпочтение перед остальными. День рождения Будды был включен в число национальных праздников, он отмечался в восьмой день второго месяца. Буддийские тексты использовались при обучении наследника престола. В дни буддийских празднеств издавался указ об амнистии преступников и выпускались на свободу орлы и соколы, которых императоры использовали на охоте. Буддийские церемонии преобладали в придворной жизни и во время военных кампаний и соперничали со старыми племенными традициями. Монахов назначали на высшие и почетные должности. Они освобождались от различных видов работ, даже в дни тяжелых испытаний для страны. Им даровали права и привилегии, которых подчас не удостоивались даже киданьские сановники.

Самое лучшее доказательство широкого распространения и роста влияния буддизма в стране — его экономическое могущество. Увеличение количества верующих, значительную часть которых составляли представители киданьской знати, покровительство власти, усиливающийся интерес к нормам буддийской морали со стороны рядовых кочевников — все это способствовало тому, что буддийская церковь стала одним из самых могущественных феодалов в стране. Духовенство в империи Ляо являлось особо привилегированным сословием.

В стране проводилась огромная работа по редактированию и изданию буддийских текстов. Киданьские императоры, заинтересованные в укреплении позиций буддизма, лично контролировали издательскую деятельность. К ней были привлечены лучшие специалисты. Император Син-цзун из всех религий в государстве особенно высоко ценил именно буддизм. Двадцать буддийских монахов в разное время получили назначение на должности трех высших сановников государства и трех учителей императора с совмещением должности начальника политических дел.

Подражая императору, многие его родственники и знатные семьи отдавали своих сыновей и дочерей в буддийские монахи и монахини. Ван Гаи, Яо Цзин-си и Фэн Ли, бывшие последователями даосизма, встретившись как-то с императором во время его тайных выходов, удостоились после этого почетных титулов и получили назначения на должности [Е Лун-ли, 1979. С. 150]. В 23-й год эры правления Чжун-си (1054), в 3-й луне, он велел отлить серебряную статую Будды для храма Кайтайсы. Сам император старался придерживаться пяти буддийских норм: отказ от убийства любых живых существ, отказ от воровства, отказ от сексуальной распущенности, отказ от лжи, отказ употреблять вещества, затуманивающие сознание [Wittfogel, Feng, 1949. P. 294].

В средневековых китайских исторических сочинениях, прежде всего у Е Лун-ли, есть информация и о личной жизни Син-цзуна. Используя эти сведения, нужно, однако, иметь в виду, что данный историк, по всей видимости, был настроен негативно по отношению к киданям (самыми разными примерами он доказывал их варварскую сущность и нравственный примитивизм), что могло наложить свой отпечаток и на характеристику их императора.

Как указывает Е Лун-ли, Син-цзун на своем посту «вел себя так, как хотел, проводя время в ничем не ограниченном распутстве». Он близко сошелся с начальником музыкального управления Ван Шуй-цином и многими другими. «Бывал в их домах и даже совершал поклонения перед их родителями. В переодетом виде несколько раз тайно посещал кабаки, где занимался сквернословием и непристойной болтовней, а затем, пресытившись весельем, возвращался обратно» [Е Лун-ли, 1979. С. 150].

Всех, кто пользовался его расположением, Син-цзун повышал в должности через ступени: «Титулы и награды раздавались без всякого разбора, а для назначения на должности не существовало [твердо установленных] правил». Однажды Ма Бао-чжун, китаец по национальности, занимавший должность председателя верховного военного совета, стал спокойно увещевать императора: «Наказание должно соответствовать преступлению, награды должны соответствовать заслугам, таков закон существования государства. Еще Цзи Ань скорбел, когда сказал, что пришедшие позднее ставятся выше других, точно так же, как при сборе топлива сверху кладутся вновь подобранные хворостины. Неправильные назначения на должности особенно широко производились при династии Тан. Ваше государство, возникшее к северу от области Шо и расширившееся за счет приобретения областей Ю и Янь, стало назначать чиновников в зависимости от их способностей, и с этого времени люди соответствуют занимаемым должностям. Ныне чиновники спокойно живут в мирных условиях и не имеют заслуг, за которые их следует повышать через ступени, поэтому более правильно повышать их в должностях по порядку».

Разгневанный император сердито ответил: «Если поступать так, император не сможет проявлять свою власть. Разве это принесет счастье государству?» Ма Бао-чжун испугался. С этого времени, когда Син-цзун хотел назначить кого-нибудь на должность через ступень, он предварительно обязательно щедро одаривал высших чиновников, чтобы пресечь различные разговоры [Е Лун-ли, 1979. С. 151].

В 1047 г. произошел такой случай: «Однажды ночью, когда император пировал вместе с Лю Сы-дуанем и его братьями, Ван Ган ввел оркестр музыкантов. Император приказал жене сменить одежду и изображать даосскую монахиню. Отец императрицы Сяо Мочжи сказал: „Боюсь, что в присутствии киданьских и китайских сановников императрице не подобает принимать участие в театральном представлении“. Император ударил Сяо Мочжи, разбил ему лицо и сказал: „Мне так нравится! Да и кто такая твоя дочь?“» [Е Лун-ли, 1979. С. 152].

В 11-й луне 1042 г. придворные сановники поднесли императору почетный титул «умный и образованный, совершенномудрый и храбрый, превосходно

дальновидный, божественно знаменитый, с любовью почтительный к родителям хан». Императрице, урожденной Сяо, поднесли и объявили почетный титул «совершенная красавица, всенародно любимая, высокопросвещенная императрица» [История Железной империи, 2007. С. 104]. В июле 1055 г. Син-цзун отправился в горы Цюшань. В августе он почувствовал себя плохо и призвал наследника. 28 августа император умер в возрасте сорока одного года. Спустя 23 года пребывания Син-цзуна на троне на престол вззошел его сын — Дао-цзун.

Любопытна ремарка Е Лун-ли по поводу правления Син-цзуна. Главной задачей средневекового китайского историографа было осмысление личностных качеств и поступков исторических лиц с точки зрения их влияния, положительного или отрицательного, на развитие событий в стране. Подобранные им факты и сделанные на их основе выводы предназначались в качестве дополнительной информацией для правящего монарха, чтобы помочь при решении возникающих проблем и уберечь от ошибок, совершенных его предшественниками. Личное же мнение историка излагалось либо в виде редких суждений и реплик по поводу отдельных событий, своего рода комментариев, либо в специальном фрагменте жизнеописания — заключительном его разделе. В данном случае Е Лун-ли в конце главы пишет: «Рассуждая о происшедших событиях, скажу: от Абаоцзи до Син-цзуна у киданей прошло пять-шесть поколений. К этому времени благодаря длительному миру и огромному увеличению ежегодных подарков со стороны династии Сун были накоплены большие богатства. В продолжение всех четырех сезонов года Син-цзун охотился, для чего существовали различные правила, называемые укрытием от жары, рыбной ловлей и т. д., и, самозабвенно увлекаясь охотой, не знал никаких преград. Буддийские монахи утверждали нереальность бытия, но их опутывали делами управления; даосские монахи настаивали на нравственной чистоте, но их связывали высокими должностями; артисты и музыканты говорили о театральном искусстве, но за занавесками у дверей в женские покои предавались необузданному разврату. Более двадцати лет Син-цзун следовал нравам, господствовавшим в эру правления Тун-гуан, но, на его счастье, не случилось никаких событий, которые привели бы его к гибели» [Е Лун-ли, 1979. С. 154].

Свою оценку личности и деятельности императора Е Лун-ли, безусловно, обосновывал и с помощью традиционных китайских историософских схем. Китайские историки, в частности, активно использовали храмовые имена императоров. На использование личного имени императора накладывалось строжайшее табу. При жизни императора называли иносказательно, типа шэнжэнь — «государь», тяньцзы — «Сын Неба». После смерти о нем судили по его почетному или храмовому имени, которые выбирал для предшественника новый император вместе с придворными. При жизни император понятия не имел, как его будут называть после смерти. По сути, храмовое имя — оценка, которую потомки выставляли умершему императору, подводя итоги его правления. Начиная с эпохи Тан, храмовое имя стали давать каждому императору, а не только самым выдающимся.

Отсюда эти чаще всего встречающиеся обозначения — Тай-цзу, Гао-цзу, Тай-цзун и др. Храмовое имя основателя династии всегда оканчивается на «цзу» — «предок-основатель». «Цзун» — означал «предок». Под этими храмовыми именами (мяохао) императоров почитали после смерти в храме императорских предков. Храмовые имена всегда состоят из двух иероглифов. На русском языке храмовые имена пишут слитно или через дефис: Тай-цзун.

Как правило, имя «Син-цзун» было почетным в общем ряду императоров. Если Тай-цзу основал государство, а Тай-цзун поднял страну к новым вершинам, то Син-цзун поддерживал страну на уровне, достойном своих предшественников. Если он не соответствовал этому уровню, то получал неудовлетворительную оценку — был «невежественным и испорченным». Именно это и пытался доказать своим очерком южносунский историк.

Однако нужно учитывать специфику исторического времени. Син-цзун получил воспитание и пришел к власти в период наиболее спокойного развития государства, во время апогея, что, несомненно, оказало преимущественное влияние на формирование его представлений об истории и политике. Всех киданьских правителей, включая и Син-цзуна, объединяют не только имущественное положение, общность взглядов и экономических интересов. Прежде всего все они целью развития государства считали его сохранение и развитие, искали оптимальные пути выхода из появляющихся периодически кризисов. Воспитание, образование, жизненный опыт предопределяли их политические взгляды — они последовательно отстаивали интересы правящего рода Елюй. Как представитель этого правящего рода, Син-цзун был крупным скотовладельцем и контролировал огромные территории. Император являлся сторонником проведения достаточно жесткой внутренней политики, хотя и не всегда вникал глубоко в непосредственную практику.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с кит., введ., коммент. и прил. В. С. Таскина. М.: Наука, 1979. 607 с. (Памятники письменности Востока. Т. 35).

История Железной империи / отв. ред. В. Е. Ларичев; пер. и коммент. Л. В. Тюрюминой. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. 356 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гумилёв Л. Н. В поисках вымышленного царства. М.: Товарищество «Клышников, Комаров и К&О»; Лорис, 1992. 319 с.

Пиков Г. Г. Буддизм в государстве киданей // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1980. № 1. Вып. 1. С. 149–155.

Пиков Г. Г. Елюй Апоки — первый кочевой император: социально-психологический портрет // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 1. С. 165–176.

Пиков Г. Г. Елюй Даши — социально-психологический портрет основателя государства Западное Ляо // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного

Китай: материалы IX международной научной конференции (г. Улан-Удэ, 10–14 сентября 2018 г.): в 2 т. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. Т. 2. С. 90–94.

Пиков Г. Г. К вопросу о роли маньчжурских исторических текстов в изучении Восточной Азии в средние века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, № 4: Востоковедение. С. 67–72.

Пиков Г. Г. Кидани и Сибирь // Из прошлого Сибири: межвузовский сборник научных трудов: [в 4 вып.]. Новосибирск: НГУ, 1996. Вып. 2. Ч. 1. С. 5–13.

Пиков Г. Г. Киданьская элита в историческом контексте (907–1218). Новосибирск: Манускрипт, 2016. 506 с.

Пиков Г. Г. Памяти хана Кучлука (из истории становления монгольской империи) // Вопросы всеобщей истории и историографии: сб. науч. ст. памяти профессора А. В. Эдакова. Новосибирск: НГПУ, 2006. С. 171–216.

Тюрюмина Л. В. К истории создания маньчжурского перевода «Ляоши», «Цзиньши» и «Юаньши» // Этногенез народов Северной Азии: материалы конф. Новосибирск: [Б. и.], 1969. Вып. 1. С. 139–140.

Gabelentz H. Geschichte der Grossen Liao. St. Petersburg, Riga, Leipzig, 1877. 194 s.

Wittfogel K. A., Feng Chia Sheng. History of Chinese Society: Liao (907–1125) // Transactions of American Philosophical Society. Philadelphia, New York, American Philosophical Society, 1949. 752 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИВР РАН — Институт восточных рукописей Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия; gennadij-pikov@yandex.ru, <https://orcid.org/00000-0002-9818-0307>, Scopus Author ID: 57224185876.

Статья поступила в редакцию 02.09.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 17.03.2026.

THE KIDAN EMPEROR YELÜ ZHIGU (XINGZONG): A SOCIO-POLITICAL PORTRAIT (1015–1055)

GENNADY G. PIKOV

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

gennadij-pikov@yandex.ru, <https://orcid.org/00000-0002-9818-0307>

Abstract. This article is part of a series exploring the role of the rulers of the Liao Empire (907–1125) in its history. It concentrates on the reign of the seventh Liao emperor, Emperor Xingzong (1031–1055). Using medieval Khitan and Chinese historical texts, the article reconstructs his life and political career. Special focus is given to the empire's foreign policy under Xingzong, particularly Khitan-Chinese and Khitan-Tangut relations, as well as to domestic reforms. The examination of these sources shows that, despite East Asia's volatile geopolitical climate marked by the rise of the Song Empire and the emergence of Western Xia under Tangut rule, the emperor managed to adopt a balanced policy and maintain the empire's state-building efforts.

Keywords: Kidan, Liao Empire, Emperor Xingzong, Medieval China, Western Xia.

For citation: Pikov G. G. The Kidan Emperor Yelü Zhigu (Xingzong): A Socio-Political Portrait (1015–1055). *Universum Humanitarium*, 2026, no. 1, pp. 35–56. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2026-1-35-56

REFERENCES

- Gabelentz H. *Geschichte der Grossen Liao*. St. Petersburg, Riga, Leipzig, 1877. 194 s.
- Gumilev L. N. V poiskakh vymyshlennogo tsarstva [In Search of a Imaginary Kingdom]. Moscow, Tovarishchestvo «Klyshnikov, Komarov i K&O», Loris, 1992, 319 p. (In Russ.).
- Pikov G. G. Buddizm v gosudarstve kidaney [Buddhism in the Khitan State]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk [Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Social Sciences Series]*, 1980, no. 1, iss. 1, pp. 149–155. (In Russ.).
- Pikov G. G. Elyuy Apoki – pervyy kochevoy imperator: sotsial'no-psikhologicheskii portret [Yelü Abaoji – a Socio-psychological Portrait of the First Nomadic Emperor]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnyye nauki [Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research]*, 2020, vol. 162, no. 1, pp. 165–176. (In Russ.).
- Pikov G. G. Elyuy Dashi – sotsial'no-psikhologicheskii portret osnovatelya gosudarstva Zapadnoye Lyao [Yelü Dashi – a Socio-psychological Portrait of the Founder of the Western Liao State]. In: *Drevniye kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya: materialy IX mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (g. Ulan-Ude, 10–14 sentyabrya 2018 g.) [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: Proceedings of the 9th International Scientific Conference (Ulan-Ude, September 10–14, 2018)]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo BNTs SO RAN, 2018, vol. 2, pp. 90–94. (In Russ.).
- Pikov G. G. K voprosu o roli man'chzhurskikh istoricheskikh tekstov v izuchenii Vostochnoy Azii v sredniye veka [On the role of Manchu historical texts in the study of East Asia in the Middle Ages]. *Vestnik NSU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2009, vol. 8, no. 4: Oriental Studies, pp. 67–72. (In Russ.).

Pikov G. G. Kidani i Sibir' [The Khitans and Siberia]. In: Iz proshlogo Sibiri: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov [From the Past of Siberia: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Novosibirsk, NGU, 1996, iss. 2, pt. 1, pp. 5–13. (In Russ.).

Pikov G. G. Kidan'skaya elita v istoricheskom kontekste (907–1218) [The Khitan Elite in a Historical Context (907–1218)]. Novosibirsk, Manuskript, 2016, 506 p. (In Russ.).

Pikov G. G. Pamyati khana Kuchluka (iz istorii stanovleniya mongol'skoi imperii) [In Memory of Khan Kuchlug (from the History of the Formation of the Mongol Empire)]. In: Voprosy vseobshchei istorii i istoriografii: sbornik nauchnykh statei pamyati professora A. V. Edakova [Questions of General History and Historiography: a Collection of Scientific Articles in Memory of Professor A. V. Edakov]. Novosibirsk, NSPU, 2006, pp. 171–216. (In Russ.).

Tyuryumina L. V. K istorii sozdaniya man'chzhurskogo perevoda «Lyaoshi», «Tszin'shi» i «Yuanshi» [On the History of the Creation of the Manchu Translation of “Liaoshi,” “Jinshi” and “Yuanshi”]. In: Etnogenez narodov Severnoy Azii: materialy konf. [Ethnogenesis of the Peoples of Northern Asia: Conference Materials]. Novosibirsk, 1969, iss. 1, pp. 139–140. (In Russ.).

Wittfogel K. A., Feng Chia Sheng. History of Chinese Society: Liao (907–1125) // Transactions of American Philosophical Society. Philadelphia, New York, American Philosophical Society, 1949. 752 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

GENNADY G. PIKOV, Doctor of Sciences (History, Culturology), Associate Professor, Head of the Section of General History of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; gennadij-pikov@yandex.ru, <https://orcid.org/00000-0002-9818-0307>, Scopus Author ID: 57224185876.

The article was submitted on 02.09.2025; approved after reviewing on 24.02.2026; accepted for publication on 17.03.2026.